

ЯНКА РАМ

ИЩУ ЖЕНУ
с принцем

Янка Рам

Ищу жену с прицепом

<https://litres.ru/74575772>

Аннотация

Тихомиров мечтает о сыне, которого у него никогда не будет. И в свободное время помогает городским волонтерам. О нем говорят - хороший человек с плохим характером. Ему до всего есть дело и методы у него "на грани". Тихомиров беспощадно причиняет добро и наносит счастье! Светлана очень хочет ребенка, но у нее практически нет шансов. Желая поправить "судьбу", она идёт в волонтеры, помогать чужим детям. Но судьба решает вручить ее Тихомирову. - Зоя, нет здесь никого. Ни одной тачки... - покручивает биту мужик в черной балаклаве. - Где твоя "девочка"? Набери ее. - И-извините. Поднимаю как школьница руку и машу, сообразив, что это не бандит, а кто-то от Зои Васильевны. - Это я! Я - "девочка". - М-м... - понимающе качает головой. - Волонтер, да? - Да-да... Опять поднимает телефон. - Зоя, а адекватных не было? Только такие? Обложка от Эллы Савицкой♥#

Содержание

Глава 1 - Dead Мороз	4
Глава 2 - Шизотеричка и Преподобный	11
Глава 3 - Ньюанс	18
Глава 4 - "Свет Вам в глаз"!	22
Глава 5 - Гопник	27
Глава 6 - ОПГ	32
Глава 7 - Бандит	41
Глава 8 - Планы	45
Глава 9 - Лирика	53
Глава 10 - Незамутненность	59
Глава 11 - "На берегу"	66
Глава 12 - Если враг сопротивляется	75
Глава 13 - Подростковые чувства	81
Глава 14 - Личная история	86
Глава 15 - Коварный...	92
Глава 16 - Душа продана	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1 - Dead Мороз

И вот я стою где-то на краю города, не в самом благополучном районе жилого сектора, в снежной колее, оставленной уезжающим от меня такси.

Фонарей тут нет, на улице темнеет.

Передо мной одноэтажные деревянные дома разной кондиции, за спиной пустырь. За ним - роща.

Собака воет...

Звоню Зое Васильевне, волонтеру, по просьбе которого я здесь оказалась.

- Я приехала. Что мне делать?

- Светочка, ты только пока из машины не выходи. Там район неблагополучный, мало ли...

Сказать, что я приехала на такси как-то не поворачивается теперь язык.

Нелепо вышло!

Холодно, кутаюсь в шубку. Тонкие каблукы вязнут в снегу.

- Сейчас подтянутся ещё наши. Работы валом... Не успевают люди. Дождись. Ты одна не справишься. Там особый случай.

- Хорошо, конечно.

Я - новенькая. И в лицо их никого ещё не видела. Знаю только по позывным и аватаркам. Меня добавили в чат. И

вот сегодня... "девочки, кто может срочно?"

И вот я, вместо того, чтобы благополучно отмечать Рождество, стою в жо... в дебрях мира, и желаю "причинять добро и наносить радость", как шутят у них в чате.

Но, если волонтеры не поторопятся, "радость" вполне могут нанести и мне.

Ищу в карманах перчатки. Оставила где-то... Дышу на замёрзшие руки. Поправляю норковый капюшон.

Судя по всему, спасти сегодня будут меня. Волонтер из меня неопытный.

Из-за поворота выруливает темный высокий джип. Подъезжает, мерцая мне фарами.

Я должна отойти с дороги? Но куда? Сугробы по колено. Растерянно развожу руками.

Гасит двигатель.

Спрыгивает...

Отшатываюсь на пару шагов назад.

В черной балаклаве, черном свитере и черных брюках. Видны только глаза и выразительные брови вразлет. Они нахмурены.

Здоровый как буйвол!

В руках деревянная бита...

Открыв в шоке рот, смотрю ему в глаза. Доволонтерилась, Чалкина?

Маньяк какой-то. Стукнет сейчас по голове...

- Помощь нужна? - грубовато.

- Н-нет...

- На закат любишься? - скептически.

- Д-да.

Мамочка...

Смотрит по сторонам, поверх моей головы.

Подносит к уху телефон.

- Зоя, нет здесь никого. Ни одной тачки... - покручивает биту. - Где твоя "девочка"? Набери ее. Может, она адрес перепутала?

- И-извините.

Поднимаю как школьница руку и машу, сообразив, что это не бандит, а кто-то от Зои Васильевны.

- Это я! Я - "девочка". От Зои Васильевны.

- М-м... - понимающе качает головой. - Волонтёр, да?

Но мне кажется опять сочтется скепсис.

- Да-да...

Опять поднимает телефон.

- Зоя, а адекватных не было? Только такие?

- Ну, в смысле? - осмелев, с претензией упираю руку в бок.

- Со мной все нормально! Я готова помогать.

- Ладно. Ясно. Не хамлю я.

Убирает телефон в задний карман.

- "Светлячок", да? - медленно ведёт взглядом снизу вверх.

- Да. Светлана Романовна я...

- Пряма, "Романовна"? - усмехается под своей балаклавой.

- Мне, вообще-то двадцать семь. Просто внешность та-

кая...

Кукольная внешность. Глаза большие, ямочки на щеках, губы "бантиком". Я от нее страдаю. Меня всерьез никто не принимает. Ещё и рост подвёл.

"Маленькая собака до старости щенок" - как говорит мама. И в сумерках меня часто путают с подростком.

Переминаюсь с ноги на ногу.

- Что делать надо, знаешь?

- Детей поздравить, убедиться, что они в порядке. Если нет - помочь по-возможности.

Достаёт из машины мешок, как Дед Мороз закидывает на плечо.

Подкинув, залихватски перехватывает биту.

Ну такой себе... Dead Мороз!

- Ну пойдем, арбайтен, Светлячок.

Проходит мимо меня по соседней колее, сворачивая на припорошенную узкую тропинку к одному из домов.

Иду следом за ним, глядя не под ноги, а на его широченные плечи и как двигается эта гора мышц.

Мама дорогая... Ему, наверное, боженька тестостерон в тройной дозе отмерил!

Оступившись, падаю на колени и вскрикиваю. Капюшон спадает, мои волосы рассыпаются ярким рыжим полотном на снег.

Разворачивается. Разглядывает меня.

С досадой цокает.

- Одежды нет другой у тебя?
- Сказали "срочно"...
- Ясно.

Снимает свои кожаные перчатки, протягивает мне.

- Надевай. Волосы заплетай.
- Зачем?

- Ты не ангелам идёшь жопки ромашками подтирать.

Здесь реальные дети, неблагополучные... Агрессивные иногда, иногда - грязные. Иногда - больные. Надежд твоих не оправдают. Разок пообщаешься и сдуешься.

- Не сдуюсь.

- Ну-ну...

Толкает дверь в воротах. Закрыто. Выносит ее пинком ноги.

- Вы что делаете?! - зажимаю уши от грохота.
- Несу свет...

Глава 2 - Шизотеричка и Преподобный

Светоносный проходит во двор первым, на цепи лениво лает собака. Тощая и облезлая. Рядом с ней пустая и такая же облезлая чашка.

- Ну, чо, Шарик, с Рождеством.

Скидывая с плеча мешок, открывает, достает упаковку со-сисок.

Разрывает и очищая от обертки кидает несколько собаке. Которая заглатывает их не жуя.

- Она же голодает здесь, - сжимается мое сердце.

- Когда хозяйка дома, кормит. А сейчас она в роддоме. Очередного рождает. А дети с отцом...

Забирая мешок, идёт к дому.

Дверь не заперта. Мы заходим в обшарпанный дом. Не разуываясь сразу в комнату. В деревянном полу щели. Дома очень холодно...

- Под ноги смотри. Каблуки свои не сломай.

- Капец... - бормочу я, оглядывая масштаб трагедии.

Трое мальчишек погодок лет пяти-семи сидят одетые на диване с одним телефоном. Один, лет двух, в кроватке.

Дети, замерев, смотрят на нас.

А на втором диване напротив спит явно нетрезвый отец.

- Здорово, братва! - рявкает Светоносный.

- Чо принес?! - словно узнав по голосу подскакивает на ноги старший из пацанов. - Ништяков принес??

- Чего холодно-то у вас так?

- Дров нет. Папка с утра набухался. Не поколол, - как бывалый хмыкает старший.

"Бандит" вручает мне тяжёлый мешок.

- Там термос с чаем. Еда. Покорми их пока. Сладкое не отдавай сразу.

Сам разворачивается к спящему отцу семейства.

- Подъем, мля! - пинком в спинку дивана организует небольшое землетрясение. - Свет пришел в твою жизнь! - с иронией западного проповедника.

Испуганный пьяный мужик подлетает с дивана.

- Чо?! Кто??

- Бегом! - замахивается на него битой Свет, "который пришел в его жизнь".

И в чем есть гонит на улицу.

- Свет, ты чо... Холодно же... Околею! - бормочет алкаш.

- А детям твоим не холодно?! Пошел!

Стою в полном шоке.

- Так... Так...

Маленький начинает нетерпеливо плакать.

- Сейчас! - ныряю в пакеты.

Вся посуда у них грязная. Наливаю чай в пластиковые стаканчики. Собираю им бутерброды с сыром и колбасой, рас-

стелив на столе газеты.

Они молча смотрят на меня с удивлением.

- Ты снегучочка? - настороженно спрашивает один мальчишка помладше.

- Я Света!

Дую на чай младшему. Отыскиваю подгузники. Переодеваю его.

Заставляю их помыть с мылом руки, поливая из большого чайника.

Рассовав им бутерброды и яблоки, выхожу на улицу.

- Ещё раз пьяным тебя застану, вырву ноги, - курит Светоносный рядом с отцом семейства. - Наплодил выводок, отвечай.

Мужик резвенько рубит дрова.

- Эм... - взмахиваю рукой. - Как Вас?..

- Свет.

Совсем кукуха у него не на месте, да? Светом себя окрестил на полном серьёзе?

- Надо опеку вызывать. Это же ужас!

- Это не ужас, - фыркает. - Опеку вызовешь, детей заберут. Думаешь им там лучше будет? В детском доме?

- Да!

- Жила там?

- Нет...

- А я жил периодически. Херово там. Дома лучше. Мамка нормальная у них. Любит их. А этот на вахту ездит. Содер-

жит семью. Живут терпимо. Но сейчас... Эта падла организовала им трудную жизненную ситуацию, да Колян? - ядовито.

- Так я ж это... Отпуск законный!

- Руби, сказал, не отвлекайся. И мы как волонтеры немного присмотрим за ситуацией. Да, Колян? Неси дрова в дом.

Колян послушно бежит в дом с охапкой дров.

Свет обыскивает дом, конфискует припрятанную бутылку водки. Разжигает печь. Отбирает у Коляна пачку денег. Пересчитывает.

- Шестьдесят тысяч... - убирает в карман под унылым взглядом Коляна.

- Так это... - пытается возразить тот. - Мои же.

- Было ваше, стало наше.

Возмущённо ловлю взгляд этого Света.

- Короче, Колян, воду грей, посуду мой. Завтра заеду, чтобы дом блестел как у кота яйца. Или?.. - щелкает пальцами.

- Ноги... Того... - бормочет Колян.

- Ну, вот, усвоил.

Кот! Видела же кота!

Наклоняюсь, отдавая сосиску старенькому коту под стол.

Свет оставляет пакет продуктов в пустом холодильнике, детям отдает пакет с конфетами.

- Ништяков вам.

- Младшему карамель не давать! Только мягкие! - вмешиваюсь я.

Подавится ещё...

- Уходим, - кивает мне на дверь.

Ставлю младшему в кроватку бутылочку с водой и открытую пачку детского печенья.

Догоняю Света, семена следом.

- Вы деньги их забрали себе! Это незаконно!

Достает телефон, демонстративно делает звонок.

- Валентина... Это я. Детей твоих проверил, деньги у твоего забрал. Шестьдесят штук. Как вернёшься домой, завезу.

- А-а... - прикусив губу, опускаю взгляд. - Ясно тогда.

Открывает мне дверь. Изображая битой виртуозный реверанс, указывает ей в машину.

- Прошу! - нахально.

- Да нет, я...

Отдаю ему перчатки.

- Я такси... Лучше, такси.

Цокает, закатывая глаза.

- Да кто сюда поедет вечером в Рождество? Бегом, сказал...

Да?... Ну, да... Придется ехать с этим неоднозначным типом.

Смотрю снизу вверх на высокое сиденье.

Неожиданно подхватывает меня за талию, помогая подняться. Ахая, взлетаю вверх!

Хлопает дверью.

Едем...

Подозрительно кошусь на него.

- Ну, что, Светлана... Как вас занесло-то в волонтеры? Очевидно, не ваша же история.

- Почему - не моя?

- Потому...

Вздыхаю.

- Я... карму хочу поправить. Есть же такой закон во все-ленной, что если ты хочешь, чтобы твоя жизнь изменилась к лучшему, то надо постараться жизнь других сделать лучше.

- А-а-а! Шизотеричка. Ясно.

- Почему это - шизотеричка?!

- Потому что законы, Света, в УК. А вот это все со все-ленными, матрицами и аффирмациями- шизотерика.

Цокнув, отвожу взгляд в окно.

- Я, знаете ли, сама в состоянии разобраться, как нести добро.

- Добро, значит, людям несёте?

- А Вы нет??

- А я - пакет с продуктами! И люлей для неосознанных.

- Я поняла... Как тот преподобный, который "и с пропове-дью, и с приветом!"

- Смешно... Куда везти?

- На вокзал.

- Уже уезжаете?! Быстро карму почистили.

- И не мечтайте. Я только приехала! Сумки у меня там, в камере хранения. У вас случайно никто из знакомых одно-комнатную квартиру не сдает?

- Сдает. Я...

- Дорого?

- Нет.

- Чистая?

- Да. Но! Проведение любых шизотерических обрядов под запретом!

- Ладно. Сатану тогда вызову. Можно?

- Это пожалуйста... хоть в бубен дам ему. Едем смотреть?

- Едем...

Глава 3 - Ньюанс

А квартирка и правда, хоть и небольшая, но чистая и комфортная. Цена символическая. Подозреваю, Преподобный прилично скинул мне ценник. И даже занёс сумки.

Отдал ключи, записал мой телефон. Денег пока не взял. Сказал - потом разберемся.

Подозрительно...

Шторы, конечно на окна повесить надо. Первый этаж всё-таки, а висит только тюль.

Протираю в шкафу пыль, раскладываю свои вещи.

Стаскиваю вязаное платье, закидываю в машинку.

Звонит...

- Да?

- Один нюанс. Совсем забыл.

Так... Начинается?

- Какой?

- У меня доделывают ванную в квартире, и душ я пока принимаю у тебя.

- Оу... Через весь город поедете в душ? - скептически уточняю я.

- Моя дверь напротив.

- А-а-а...

Ну жалко тебе что ли, Чалкина? Зайдет человек на полчаса душ принять.

Нет, мне не жалко. Я просто опасаюсь этого Светоносного. Зачем тогда заселилась в его квартиру? Или ты думаешь у него запасных ключей от нее нет?

Мда...

- А как долго ее будут доделывать?

- Недолго.

- Ладно. Хорошо.

А вдруг он все же неадекватен??

Ты даже лица его не видела, вообще-то! Ни имени, ни фамилии не знаешь. Даже договор с ним по аренде не заключила.

По факту, ты просто в логове мужика в балаклаве и с битой.

Как он меня быстро обработал!

Бегу к дверям, проверить, а есть ли задвижка какая-нибудь на двери.

Ее нет...

Ловлю панику. Пытаюсь быстро натянуть свои узкие джинсы. Теряю равновесие. Падаю на разложенный диван.

Так! Замри, Чалкина.

Делаю глубокий вдох.

Звоню Зое Васильевне.

- Слушаю?

- Добрый вечер, Зоя Васильевна. Сегодня со мной один волонтер работал... "Свет".

- Да-да.

- А Вы хорошо его знаете? Давно?

- А что - хамил? - вздыхает с досадой. - Света, ты не обращай внимания. Он человек хороший. Просто как рельса прямой и тяжёлый. Но опять, же как рельса надёжный. Оби-дел?

- Нет. Я просто уточнить хотела - он точно адекватный?

- А что-то случилось?

Помимо того, что он битой гонял хозяина дома после незаконного проникновения туда, а потом отжал у него крупную сумму денег?

- Да нет... Ладно, извините. Это я так. Просто квартиру у него хочу снять, решила уточнить.

- А-а-а... Адекватный. Не волнуйся.

Уф...

- Спасибо большое, Зоя Васильевна. Извините за беспокойство.

- Да ничего...

Стягиваю обратно брючину с ноги.

Интересно, мыться в душ тоже в балаклаве пойдет?

Надо было хотя бы у нее спросить как его зовут.

Захожу в ванную. На полотенцесушителе мужское чёрное полотенце.

Да почему у него все чёрное то?!

Точно - маньяк!

На полочке мужской шампунь гель. Догадайтесь... черный!

Зубная щётка, зубная паста, бритва...

То есть, реально здесь душ принимает, а не повод зайти ко мне, да?

Выдыхаю ещё раз.

Открываю шампунь, вдыхаю запах.

Неплохо, вообще-то!

Запах будоражит мое оголодавшее тело. Оголодавшее по определению. Потому что ничего годного мое тело не получало никогда. Любовника у меня было только два. И оба... обнять и плакать. Встречала я их "по уму", а провожала по... в полной уверенности, что миф про классный секс - это троллинг для таких доверчивых дур как я.

И нет... если над этим работать, то лучше не становится. Просто ты вдруг начинаешь работать за двоих. Как упоротый шахтер на смене.

ТЬфу, короче...

Секс - он вообще понижает вибрации. Лучше сублимировать эту энергию в творчество.

Много насублимировала, Чалкина?

Да вагон уже...

Звонок в дверь!

Подпрыгиваю. Сердце грохочет...

Ну, хоть своим ключом не открыл. И на том спасибо!

Иду открывать.

Глава 4 - "Свет Вам в глаз"!

Распахнув дверь, смотрю ему в глаза. Без балаклавы...

Его бровь удивленно чуть поднимается вверх выражая скупую эмоцию.

- Если это способ вызвать Сатану, то он наверняка уже в пути.

Что?

Его взгляд сползает вниз.

Боже, я в белье?!

А-а-а!!

Кровь бросается в лицо раскаленной волной.

- Я бы тоже на твоём месте ходил голый. Есть чем впечатлить... - взмахивает рукой, в которой держит бутылку коньяка и два пузатых бокала.

С грохотом захлопываю дверь перед его носом.

Чалкина, ты просто... форменная идиотка! Как это могло произойти?!

Это все его гель для душа!

Ещё и юморит! Тоже мне...

Натягиваю поспешно футболку и шаровары для йоги.

Распахиваю дверь.

От раскаленных пульсаций в шее и висках не вижу ничего, кроме его ироничной ухмылки.

- Молчать! - фыркаю я, разворачиваясь на сто восемьде-

сят. - Где душ - знаешь.

Смываюсь из прихожей в комнату. Слышу, как идёт на кухню.

Это уж слишком!

Захожу туда, упирая руку в бок. Перед глазами его рельефное плечо с татуировкой на всю руку.

- Раз уж я доставляю тебе некоторые неудобства, решил немного покормить.

Достает из пакета блюдо-менажницу с разнообразной нарезкой.

- Это лишнее... - бормочу от неожиданности.

С хрустом открывает коньяк, разливает по бокалам.

Разворачивается, протягивает один мне.

Заставляю себя посмотреть ему в лицо, машинально беру бокал.

Глаза, нос, губы, скулы, челюсть. С синяком.

Все в целом ожидаемо! Даже синяк на челюсти. А что ты хотела там увидеть, Чалкина? Клыки или второй нос?

Мужик и мужик... Но не совсем.

Интересный. Вроде бы и обычный, но мимика, взгляд... делают его притягательным.

- С новосельем, - чокается об мой бокал.

Глоток коньяка вот вообще не повредит сейчас моей пострадавшей психике.

Покорно его делаю под его пристальным взглядом.

Он смущает меня, и я начинаю машинально то ли отшу-

чиваться, то ли откусываться.

- Спасибо. А "Свет" - это только псевдоним в чате или?...

- Это имя.

- Это как у индейцев? "Хрупкая ветвь", "Бегущий олень", "Свет вам в глаз"?

- Нет. Свет, это как Светозар.

- Светозар - это как Бальтазар? - вспоминаю навеянное имя демона.

- Так ты меня вызывала тут в трусах? - дёргается уголок его губ.

Да... блин! Дошутилась, Чалкина?

Делаю ещё один глоток, стаскивая кусок сыра.

Красивые тату и белозубая улыбка придают ему шика.

Хватит, короче, его облизывать!

- Вы хотели в душ! - демонстративно перехожу на Вы.

- Так что там с кармой, м? - закидывает пластик салями в рот. - Где нагрешила?

- А Вы? Тоже, наверняка, не просто так ангелом подрабатываете...

- Детей люблю.

- Ну так и "рожали" бы своих.

- Не получится. Генетика подвела. Мой ребенок не выживет. Поэтому, его никогда не случится.

- Да?.. - сдуваюсь я, расстраиваясь за него. - А что именно? Извините. Это бестактный вопрос.

- Так что там с кармой?

- Это слишком личное...

- Мне можно. Я же, - щелкает пальцами, - "Преподобный".

Поджимаю губы.

- Аборт сделала... - цежу я.

- Зачем? Мужик бросил?

- Узнала, что беременна, когда лежала в больнице с почками. На препаратах, которые вызывают серьезные патологии у плода. С очень большой вероятностью. Запугали... и сделала, - опускаю глаза. - Теперь детей иметь не могу.

- Ну и правильно, что сделала. Хуже интерната, только интернат для инвалидов. А родители, знаешь ли, "иногда внезапно смертны". Отпускаю тебе твой грех. Можешь со спокойной душой возвращаться туда, откуда приехала. И жить свою привычную жизнь.

Допивает одним глотком свой коньяк.

- Нет. Я остаюсь.

- Ну... раз остаёшься... Завтра в волонтерский центр гуманитарка приходит. Девчонкам помощь нужна будет. Приезжай вечером...

Уходит в душ.

Наливаю себе ещё коньяка. Ну и зачем ты постороннему человеку это все выдала?

Не знаю... Накипело, наверное.

Детей, значит, любит... Грустно.

Открываю кран с холодной водой, чтобы набрать в фильтр.

- Света, твою мать! - рывкает он из ванной.

- Ой! - кричу я. - Ты же не предупредил!

У нас в квартире такая же была проблема. Включаешь в кухне холодную, в ванной бежит кипяток.

Выходит из душа в длинном своем черном полотенце на бедрах.

- Хорошего вечера, - открывает дверь.

- Так и пойдешь в полотенце? - обескураженно дёргаю бровями.

Соседи подумают о нас не бог весть что!

- А надо снять?

- А надо перестать меня смущать неоднозначными фразами! - дёргаю выразительно бровями.

- Опция встроенная, - разводит руками.

- Сладких снов! - выпроваживаю его, закрывая дверь.

- Это да... Ты уж постаралась...

Нет, ну посмотрите какой!

На два раза поворачиваю ключ.

Светозар... чокнуться можно!...

Глава 5 - Гопник

Волонтерский центр у нас в самом центре города, но в подвальном помещении. Выбили у мэра муниципальную аренду.

Рядом общежитие спортивной школы.

Пикая, фургон с гуманитаркой сдает назад, подъезжая ближе к крыльцу.

Мужиков в центре у нас две калекки, в основном женский батальон.

Свистнув, окликаю толпу пацанов из Спарты, стоящих на крыльце.

- Парни, помогите перетаскать тюки.

Скидывая рюкзаки впрягаются в разгрузку. Я забираю самые тяжёлые, оставляя им те, что полегче.

- Спасибо! - жму руки после разгрузки.

Спускаюсь вниз. Падаю в старенькое перекошенное компьютерное кресло. Покручиваюсь, отдыхая, пока женщины сортируют мешки. Закрываю глаза.

- Свет... - заигрывающим голосом.

Маша, кажется... Недавно здесь.

- М?

- У тебя женщина есть?

- С какой целью интересуешься?

- Ну интересно...

- Ты не в его вкусе, - заходит Зоя.

Она здесь главная. Центр этот открыла именно она. Мы знаем друг друга ещё с интернета.

- Привет, Заяц, - не открывая глаз, тяну кулак.

Стучает своим об мой.

- Привет.

Заяц - девочка брутальная, пробивная. В комбезе милитари, берцах, с косами. Ни грамма косметики. "С ноги" входит не хуже меня.

Но в отличие от меня умеет договариваться с вышестоящими инстанциями.

- Как новенькая?

- Нормальная... - растягиваются мои губы в улыбке. - Нет, ну тоже ебанутая немного.

Кручу в воздухе пальцами.

- Так здесь других не бывает...

Киваю.

- По детям нареканий нет, все сделала что надо.

- А чо ты так загадочно улыбаешься? - подъебывает меня, пиная по ботинку своим.

- Я? Не... Дай сигарету?

Открывает наверху окно возле меня. Угощает сигаретами.

Выдыхаю кольцами дым, вспоминая как моя шизотеричка открыла дверь.

Прыскаю смехом, поджимая губы.

Красивая девочка...

- Тихомиров! Не кури здесь! - ругается пожилая ВалентинВанна, беспардонно отбирая у меня сигарету. - Фу, надымил.

- Я ж в окно.

- И холод запустил! - ворчливо кутается в шаль, закрывая окно. - Дать бы тебе по жопе.

Она тут всех строит, на правах самой старшей.

Тихо ржом с Зайцем.

- Брата твоего вчера видела. С тёлкой новой, - садится напротив.

- Вот, урод, - морщусь.

Настроение портится.

- Не уговорил его на вазектомию?

- Неа. За яйца свои трясется.

- Слушай, а как ты узнал, что у вас "Ундина"?

“Синдром проклятия Ундины”, да...

- Мы только вдвоем с ним выжили. А мать родила семерых. Остальные задохнулись в первые сутки. Мутация гена и "нарушение вегетативного контроля дыхания во время сна." Врачи раньше в душе не чаяли, что за херня. Засыпает и не дышит. Внезапная младенческая смерть во сне и все. Это потом уже выяснилось, когда у брата ребенок родился. Его раз семь реанимировали. Все равно умер.

- А Вы теперь носители гена?

- Да.

- И вероятность рождения больного ребенка?

- Семьдесят пять процентов.

- Жесть...

- Давай не будем о грустном. А то я ему опять табло разобью и на пятнадцать суток отчалою.

- Хочешь с девочкой тебя познакомлю хорошей. У нее сыну год.

- Отец у сына есть?

- Есть.

- Тогда, не хочу. Хочу чтобы мой был сын. Усыновить.

Зоя уходит на другой край зала, разбираться с тюками.

- Здравствуйте! - заходит Света.

Растерянно оглядывается.

- Я Светлана Чалкина. Светлячок.

- Здравствуй, Свет. Проходи, - идёт ей навстречу Заяц. -

Я - Зоя Васильевна. Можно просто Зоя.

- Ой! А я вас совсем по-другому представляла, - ахает с улыбкой Света.

Смеются... Тихо разговаривают о чем-то. Она стоит ко мне вполоборота спиной и не замечает.

Волосы собраны на затылке в шишку и заколоты одной спицей на японский манер.

Сегодня - в спортивном костюме и курточке.

Сам не замечаю, как встаю и ...

Возвращаю балаклаву на лицо.

Подхожу сзади к ней. Пока она болтает, медленно и аккуратно тяну из ее волос шпильку.

Разжимаю пальцы, позволяя ей упасть. И делая шаг назад, смотрю как рассыпается по плечам роскошная копна ярко-рыжих волос.

Ох...

- Ой! - хватается за голову.

Разворачивается, растерянно глядя мне в глаза.

Подмигнув ей, иду на выход.

- Нет, ты посмотри, блять, гопник какой! - беззлобно шмякает мне ВалентинВанна по заднице зажатými в руке вещами, которые перебирала. - За косички ещё подёргай! - отчитывает меня.

Я могу...

Увернувшись от очередного шлепка, сваливаю.

Пусть работают...

Глава 6 - ОПГ

Вещи разложены по возрасту, полу, назначению. Часть собрана в пакеты как "гардероб" для конкретных детей, которых опекает Центр.

За окном давно темно. Одиннадцатый час.

- Все молодцы... - хлопает Зоя. - Спасибо, девочки! Кого подвезти? Света, ты на колесах или?..

- Без машины я, - развожу руками.

- Поехали...

Зоя ставит помещение на сигнализацию.

Мы садимся в машину к Зое втроём. На переднее сиденье - "ругачая" Валентина Ивановна, как зовут ее девчонки. Она и правда женщина резкая и ворчливая, но отзывчивая. На заднее садимся - я и Маша. Маша сама "клиент" волонтерского Центра. У нее трое маленьких детей, она мать-одиночка. За помощь ее привлекают к посильной работе - что-то разобрать, помыть, убрать. Маша симпатичная, боевая, но немного хамоватая. Ей нравится Тихомиров. Она постоянно переводит любую тему на его Светоносную персону.

- А тебе сколько лет, Свет? - спрашивает меня Зоя.

Зое самой чуть за тридцать.

- Двадцать семь.

- Ты насовсем сюда переехала или временно пожить?

- Не знаю пока.

- А с работой что?

- С работой не проблема. Немного выдохну сейчас и на-беру группу по йоге.

- Зой... - вмешивается в разговор Маша. - А сколько лет Тихомирову?

- Тридцать четыре.

- Он, говорят, жену с "прицепом" ищет. У меня как раз семеро по лавкам! - хихикает она.

- Ты, Мария, на Тихомирова не заглядывайся, - отчитывает ее Валентина Ивановна. - Он все равно на тебе не женится. Попользует только.

- Ну это мы уж с ним сами разберемся.

- Ты уже с тремя разобралась! - ворчливо. - Каждый ребенок от нового мужика. Четвертого захотела?

- А это мое дело - сколько рожать и от кого.

- Добрые люди прокормят? - скептически. - Ты лучше старшего довези до хирурга. Пока можно косоглазие исправить.

- А почему это он на мне не женится, кстати?! - с претензией.

- Так что-то отцы твоих детей не женились. Ни один. Наверное, причины были?

- Потому что они мудaki. А Тихомиров классный... - мечтательно.

Ловлю себя на ощущении неприязни к Маше. А почему? А потому что... оскверняет персону Светоносного своими

грязными мыслишками?

Короче, ревнуешь, Чалкина, да?

О, нет-нет-нет! Чур меня чур! Он просто... немножечко мной присвоен по нескольким фронтам. Волонтёрим вместе, получается, живу в его квартире, ну и конечно же - душ. Душ это уже личное, я считаю. Я, вот, в свой душ испачканного чужими грязными мыслишками мужика не хочу пускать!

- У Тихомирова такой райдер к жене, что ходить ему в холостяках до скончания времён, - тормозит Зоя. - Не трать время. Ты в райдер уже не вписалась.

- Ну может хоть "подружим", - усмехаясь, выходит Маша.
- С таким и просто покуролесить по кайфу.

Хочется сказать ей пару ласковых. Но на каком основании?

Маша выходит.

А Валентине Ивановне основания не нужны.

- Вот шлёндра ты, Мария! - ругает ее вслед Валентина Ивановна.

Маша, хохоча, захлопывает дверь.

- Бестолочь. Ещё ведь горсть нарожает "по кайфу". Лишь бы не работать. Она и у нас крутится только чтобы Тихомирову на глаза попадаться. А до того, как его увидела, то голова, то жопа болела!

Мы стоим у деревянных двухэтажных барачков.

Такие есть почти в любом городе. Люди живут и ждут расселения в новое жильё.

Маша заходит в старенький подъезд.

Место максимально не романтическое для свиданий с Тихомировым, да? То ли дело общий душ...

Да что ж такое?! Наглый какой... Влез в голову!

- Да ладно тебе, тётъ Валь, не бухает, работает и ладно, - сдает назад Зоя, выезжая из трущоб. - Нам особо не из кого выбирать. Волонтеры в очереди не стоят. Свет, тебя куда?

Сижу как дура, хлопаю глазами.

- А я адрес-то и не запомнила... Сейчас! На карте в телефоне найду. Города ещё не знаю.

Хватаюсь за плечо, ловя пальцами лямку своего маленького рюкзака.

- Зоя, я такая растяпа. Я забыла рюкзак в Центре. А там и телефон и ключи...

- Черт. А я на сигналку уже поставила. Чего делать-то?.. Возвращаемся?

- А ты не могла бы позвонить Тихомирову? У него наверняка есть второй комплект ключей. А сумку я с утра заберу.

- А без телефона как?

- У меня все мессенджеры на ноутбук выведены. Ничего страшного.

Зоя звонит Светоносному.

- Привет... Ник, ты что ли?! А что со Светом? Отключили? Ха-ха... Смешно... - усмехается. - Задержан? А за что? Ну ё-моё... Мы сейчас подъедем.

Разворачивает машину.

- Тихомирова приняли.

- Никогда такого не было, и вот опять... - философски вздыхает Валентина Ивановна. - А потому что - гопник!

- А за что? - начинаю волноваться за него я.

Хотя, ничего удивительного, вообще-то, если битой махать.

- Вот сейчас и узнаем.

Подруливает к участку.

- А я вообще первый раз в полиции, - комментирую, поднимаюсь по крыльцу. - Никогда проблем с законом не было.

Зоя усмехается.

- У волонтеров три любимые инстанции - больница, ментовка, опека. Так что ещё познакомишься.

Внутри мне сразу не нравится. За столом с надписью "дежурный" пусто. Запахи тут какие-то казённые, стальные, машинные, поднимающие волосы дыбом. И такая же энергетика. Мне страшновато здесь. Словно выйти отсюда не так легко, как зайти.

Но Зоя и Валентина Ивановна непоколебимы и бесстрашны. И я, как "ребенок", немного проникаюсь уверенностью "взрослых" в безопасности этого приключения.

Мы проходим в какое-то помещение дальше.

Тихомиров сидит за решеткой, но как барин! На вращающемся кресле, закинув ноги на старую батарею. В руке стакан чая.

Мужчины все какие-то огромные... Кроме одного, сидя-

щего у стола. Этот тощий, злобный, щеки впавшие. Лицо разбито. Сидит с мотком бумажных салфеток.

А в углу сидит мальчик лет пяти. Испуганный, с огромными глазами. И его лицо тоже немного разбито. На ноздрях запеклась кровь.

Валентина Ивановна сразу идёт к нему.

- Чаю ребенку налейте!

- На столе остывает, - кивает ей Тихомиров второй стакан.

- Это у нас кто? - разворачивается на нас один из ментов.

- Ангелы Чарли, - усмехается второй мент. - Волонтеры Тихомировские.

Улыбаясь, Тихомиров взмахивает нам рукой. Развлекает его это что ли?

Первый мент, возвращается к "пострадавшему".

- Значит, не хотите забрать заявление?

- Не имеете право не принять. А ребенка я не трогал. Споткнулся и упал.

- Здесь неразборчиво. Придется переписать.

- Значит, перепишу!

- Ну пиши... - кладет перед ним лист и шаблон.

- Саянов, а что происходит? - складывая руки на груди, уточняет Зоя у второго мента помоложе.

- Отчим, пасынок.

Указывает сначала на одного, потом на другого пострадавшего.

- Шли по торговому центру. "В воспитательных целях"

отчим отвесил ребенку подзатыльник. Ребенок упал, разбил нос, видишь?

- И "Свет пришел в его жизнь"? - злорадно уточняет Зоя.

- Ага. Отвесил папашке такого же леща. Тот улетел лицом в бетонный пол. И сломал нос.

Зоя, показывает Тихомирову кулак, в стиле, "мы с тобой товарищ, держись".

Я... не знаю что сказать на это. Где-то глубоко в душе мне радостно, что "Свет пришел в его жизнь". Но я конечно же понимаю, что это "не наши методы"!

- Вот, теперь пострадавший пишет заявление.

- А где мамка твоя? - спрашивает мальчишку Валентина Ивановна.

- На ваботе... - шепчет он затравленно.

- Опеку вызывали? - уточняет она у ментов.

- Нет... Зачем? - глядя ей в глаза выразительно прищуриваться мент, который Саянов.

Первый мент читает переписанное заявление.

- А теперь по нанесенным ребенку травмам.

- Не трогал его! Степан... - разворачивается к мальчишке.

- Бил я тебя? Или сам упал?

- Н-нет... - испуганно опускает глаза. - Сам.

И внутри меня все переворачивается так, что сейчас не только Свет, но и Света придет в его жизнь.

Взгляд мой падает на лежащую на столе дубинку.

Мало ему Тихомиров отвесил!

- В торговом центре висят камеры, - подходит к нему Саянов. - Мы с этих камер заберем сейчас видео. И разберемся - были нанесены ребенку побои или он упал случайно. И если были... - с угрозой. - А если от вас заявление не поступит, то и мы... Не будем развивать эту историю.

Недовольно суксившись, "пострадавший" рвет свое заявление.

- То есть, забираете заявление, да?

Подсовывают ему что-то расписаться.

- Степан, пойдем, - поднимается он.

Мальчишка соскакивает поспешно со стула. И бегом бежит за отчимом.

Ловлю его, поднимая на руки.

- Не отдам! Он же на нем дома оторвётся!

На меня шикают, закатывая глаза.

- Немедленно отпусти.

- Света...

- Свет, отпусти.

Отпускаю ребенка, глядя на них всех как на предателей.

- Вы чего? - шепчу, когда отчим с ребенком уходят.

- Опека уже выехала по адресу, успокойся, - выходит Тихомиров из камеры. - Заберут сейчас пацана. Просто заява мне вообще не в кассу. На меня уже одна лежит и так.

- А-а... Понятно.

ОПГ короче у них тут.

- А вы чего прилетели-то? - допивает одним глотком чай.

Жмёт руки ментам. Саянов отдает ему телефон.
Выходя с ним из ментовки, объясняю про ключи.
- Ну, поехали...

Глава 7 - Бандит

Зоя везёт нас к торговому центру, откуда Светоносного забрал наряд. Там мы пересаживаемся в его машину.

Останавливаемся потом у небольшого магазинчика, прямо возле дома.

- Надо?

- Пожалуй, да.

Дома, кроме остатков его нарезки и коньяка шаром пока-ти. Даже поужинать нечем.

Поднимает с шеи балаклаву, закрывая снизу лицо.

- Это обязательно?

- А что такое?

- Ты выглядишь как бандит.

Усмехается.

- Я бы на месте продавцов сильно беспокоилась.

Мы идём по магазинчику мимо полок.

Он накидывает в корзину продукты. Я беру себе творожок, кофе, сливки и пару яблок. Рассчитываясь на кассе, жду его.

Он ставит продукты на кассу, продавщица, пробивая, ставит ему все аккуратно в пакет. Пока он пишет что-то в телефоне.

А мне не ставила... - ревнивенько отмечаю я.

Только большим мальчикам такой сервис?

Тихомиров забирает пакет.

И не расплатившись идёт мимо меня.

Так...

Ну это уже вообще!!

- Ты что делаешь?! - шиплю я.

Игнорируя меня, тормозит в дверях, глядя на экран телефона.

- Заплати! - шепчу шокированно.

Разворачивается, возвращается.

И я почти выдыхаю. Но...

- Деньги... - вальяжно требует он у кассирши.

Она вытаскивает из под кассы тонкую стопку пятидесяти тысяч, протягивает ему.

Мои глаза слегка вылазят из орбит, словно я игрушка-антистресс, на которую нажали.

Забрав деньги, он проходит мимо меня на улицу, в услужливо разъезжающиеся перед ним двери.

В ужасе смотрю в глаза продавщице.

Она смотрит на меня с подозрением.

Итак, я свидетель или соучастник? Это наверняка на камерах, что мы вместе пришли. И что мне делать?!

- И-извините, - растерянно бормочу я. - Давайте, я оплачу его покупку.

Ее лицо слегка перекашивает от смешанных эмоций.

А те, деньги, что он у нее забрал, тоже вернёшь, Чалкина.

Тихомиров возвращается и сгребая меня за плечи, вытас-

кивает из магазина.

- Ты ограбил магазин?! - потряхивает меня от шока

- Это мой магазин.

- А-а-а... - застываю я, слушая как испуганно бьётся мое сердце.

Издевался, да?! Скотина преподобная...

Открывает дверь подъезда, демонстративно распахивая ее для меня.

Психуя, иду мимо него.

- Очень смешно... - цежу гневно.

- Суши хочешь? - как ни в чем не бывало.

- Нет!

- А меня?

Задохнувшись от возмущения, закашливаюсь.

- Н-нет.

Отдает мне в руки ключ от моей квартиры.

Как он смеет вообще мне предлагать секс?!

- Марии предложи! Она оценит.

- Какая ты ревнивая...

Теряюсь, не находя, что ответить.

- Передумаешь, забегай... - проходится перебором пальцев по моей собачке на куртке, дёргает ее вниз на несколько сантиметров.

Уходит к себе.

С пульсирующим от жара лицом стою, застыв, на лестнице.

Нормальный вообще?...

Хам!

Самонадеянный кретин. С дебильными шутками и кретинскими выходками! Выставил меня идиоткой!

За гранью вообще...

Злясь и психуя, раздеваюсь, иду мыть руки. Вытирая их об свое полотенце, на автомате вжимаюсь носом в его полотенце.

- Мм...

Нет, Чалкина! "Фу"! Нет.

Упав навзничь на диван, вспоминаю обескураженное лицо продавщицы, когда я предложила оплатить его покупки.

- О... Боже! - начинаю хохотать я, накрывая лицо подушкой. - А-а-а!! Жесть... Тихомиров! Гад...

Истериčno просмеявшись, как дура улыбаюсь в потолок, плавая в какой-то необъяснимой эйфории.

Мда, Чалкина. Мда...

Глава 8 - Планы

Парковочное место мое ровно под окнами той квартиры, которую я сдал рыжей моей шизотеричке.

Когда возвращаюсь домой, иногда сижу туплю в тачке с сигаретой, на автомате подглядываю в эти окна. Вечером она обычно занимается йогой при приглушённом свете. Сквозь тюль я вижу ее силуэт. О сколько чудных поз так и не использованных по назначению!

И сейчас пялюсь. Рассматриваю, как она развешивает шторы. Всё, кино с асанами закончено? Жаль...

Заметив меня, открывает окно.

И я тоже жму на кнопку, опуская стекло ниже.

- Добрый вечер!

- Так себе вечер...

- Почему?

- Шторы не нравятся.

- Функция с хамством тоже встроенная? Это красивые шторы, ясно? - задирает подбородок.

Улыбаясь, молча докуриваю сигарету.

- Выходи, давай.

- Зачем? - подозрительно.

- Зоя сказала, ты ищешь зал.

- А-а-а... Да.

- Ну, выходи... поедem смотреть.

Через десять минут подходит к машине.

Ах, да...

Моя и так высокая тачка поднята максимально высоко на колесах большего диаметра и рессорах. И эта мадам сама вряд ли поднимется. Миниатюрная, как статуэтка...

Почувствуй себя мужиком, Тихомиров!

Выхожу, помогаю ей сесть.

Плюхается на сиденье все ещё держась за мою руку. И тут же взвизгивает, подсакивая. Врезается головой в крышу.

- Ай!

Проводит рукой по сиденью демонстрируя мне короткий саморез.

- Ты специально, да?! - хныкает она.

- Черт... - забираю из ее руки. - Просыпались, что ли?

Втискиваюсь рукой между ее бедрами и сиденьем, проверяя, нет ли там ещё сюрпризов.

Лупит мне по руке сумочкой.

- Но-но!

Сажусь за руль.

- Проткнула?

- Да! - обиженно.

- Сильно?

- Да!

- Давай посмотрю.

Переводит на меня возмущенный яростный взгляд.

Ноздри вздрагивают.

- Ну, надо же проверить масштаб трагедии.

- Сама справлюсь!

Шипя и морщась, достает звонящий телефон.

- Дыа! - раздражённо в трубку. - Оу... Здравствуйте.

С досадой в голосе.

- Я поняла, кто это. Нет, я не могу, извините... Нет-нет. Я же вам сказала... Я... Нет... Я...

Всовывает мне свой телефон в руку.

- Изобрази моего ревнивого мужчину. В качестве моральной компенсации, - шепчет мне.

- Алё... - вальяжно и агрессивно отвечаю я. - Ты что-то хотел от моей женщины?

Тишина. Скидывают вызов.

Возвращаю телефон.

- Благодарю! - все ещё рассерженно, но уже остывая.

- Это кто был?

- Мужчина.

- Я понял, что не женщина. Чего хотел, я в целом тоже понял.

- Ну а что я тогда должна ещё ответить?

- Для начала - как к нему попал твой номер.

- Можно уже перестать изображать моего ревнивого мужчину. Зритель ретировался. Саморез ты отмолил, так и быть.

- Покайся, Чалкина. Ты же не познакомилась с ним в интернете, да?

Вздыхает.

- А что?

- А то, что это опасно. Не делай так больше.

- А где по-твоему сейчас знакомятся люди?!

- В интернете - исключительно ради секса. Нужен секс, забегай... Безопасность гарантирую.

- Обойдусь!

- Зачем тогда?

- Он написал, что он вдовец и у него двое маленьких... - печально опять вздыхает, отворачиваясь в окно.

- И он познакомится с хорошей девушкой, для серьезных отношений.

- И ты как лось по кукурузе понеслась? - цокаю я с осуждением. - Развод на лохушку.

- Да? - расстроено.

- Вот, хорошо, что ты красивая. А то совсем беда бы была.

- В смысле, я тупая, по-твоему?? - распахивает глаза. - У меня между прочим высшее психолого-педагогическое! И красный диплом! Квалификация тренера. И блог свой.

- И мозги...

- И мозги!

- Куриные.

- Все! Останови машину!

- Я люблю, Светлячок, не психуй. Переживаю же как за свою.

- Почему я тебя так ненавижу, словно мы в браке двадцать лет прожили и со скандалом развелись? Не знаешь?

- ПМС?

Распахивает возмущённо рот и захлопывает, ничего не сказав.

Озадаченно хмурится.

Открываю бардачок, доставая плитку Тоблерона.

- Держи.

Вздохнув, молча шуршит фольгой.

- Спасибо, вкусно... - умиротворенно. - Будешь?

- Не. Это противоистеричное. Мне без надобности.

С женщинами все просто. В ПМС - сначала накорми шоколадом потом трахни, в овуляцию - сначала трахни, потом накорми шоколадом.

Торможу возле качалки.

Веду ее через "зал с железом". Молча пожимая руки за-всегдаям качалки.

- Смотри...

Открываю небольшой зал с зеркальной стеной. Включаю свет.

- Ну... Не знаю, - с сомнением. - Ремонт нужен.

Ведёт пальцами по пыльным матам в углу.

- Трубы и проводку я полностью поменял.

- Сколько?

- Сделаешь "косметику". наведешь порядок, тогда первый год бесплатно.

- Серьезно?! - восторженно как девчонка. - Бесплатно?

- Бесплатно.

- А-а-а... Если ты меня обманешь? - теребит заплетенную косу пальцами.

- После двадцати то лет брака? - ухмыляюсь ей. - Считай, родные люди. Как можно?

- Хотя, нет, не обманешь, - вздыхает. - Обманщики детям еду не возят.

Разглядывает зал, открывая и закрывая окна.

- Но учти! Спать я с тобой не собираюсь, - дёргает заешшую фрамугу.

- А что там собираться, не поход ведь, - дразню ее, подходя сзади, слегка зажимаю.

Вдыхаю запах ее волос, чувствую как у меня встаёт на этот запах.

Мля...

Вот прямо здесь. У стеночки... Слушать ее горячее быстрое дыхание... Вырубать ее тормоза...

Застывает. Разворачивается. Растерянно хлопает ресницами, нахмуривая строго брови...

Улыбаясь, демонстративно открываю фрамугу.

- Да или нет?

- Что?..

- Зал...

- Да...

Губы - сочные вишни... И помады никакой нет. Просто налитые такие... Наверное, очень чувствительные.

Зависнув, смотрим друг другу в глаза.

- Ты когда минет делаешь, кончаешь? - хрипло спрашиваю я.

- А?! - вспыхивает ее лицо.

Закрывает уши ладонями.

- Господи, кажется, я оглохла! Помогите.

Щеки пунцовые...

- Громче спросить? - угораю над ней.

- И ослепла, - закрывает ладонью глаза.

Какие мы нежные! - облизываюсь на неё.

Саунд: Владимир Клявин - Планы

- Поехали...

- Куда еще?

- Есть кое-какие планы...

- Без меня!

- Да прекрати... В хорошее место съездим.

- Нет-нет-нет! - машет рукой, второй так и закрывая глаза ладонью.

- В чайную юрту.

- Ю-ю-юрту? - разводит пальцы, глядя недоверчиво на меня между ними одним глазом. - Какую юрту? Настоящую?

Напрашивается просто качнуть на эмоции. И я как наркоман, едва сдерживаюсь. И отпускать не хочу.

- Настоящую. Шкуры, ковры, этническая музыка, травяной чай на живом огне и горячий хворост в сахарной пудре. М-м... - изображаю гастрономический оргазм.

- Точно Бальтазар... - страдающе.

- Дава-а-ай! - соблазняю ее. - Полечим твой ПМС.
- Поехали...

Глава 9 - Лирика

Устроившись на напольных подушках, мы сидим по-турецки перед низким круглым столиком.

Красные ковры, шкуры, ароматный дымок и звук варгана, придающий происходящему объем и атмосферу.

- Здесь очень классно, - признаюсь я.

В глиняном чайнике нам подают прозрачный чай, с лёгким зеленоватым оттенком.

- Что это? - делаю глоток с подозрением.

- Саган-Дайля.

- Не зелёный чай?

- Нет. Трава.

- Хорошо. От зелёного мне плохо.

- От зрелого всегда лучше, - иронично поджигает губы.

- Тихомиров... води себя прилично. И вообще тебе жёниться пора. Ты явно озабочен.

- Женюсь... когда-нибудь.

- Наслышана про твой райдер к невесте.

- И чо говорят? - тянет к себе вазочку с хворостом.

- Говорят, что нифига ты не женишься с таким райдером, - тяну вазочку обратно к себе.

- Ну буду значит, волонтерить на вольных хлебах.

- Папа! - радостно вскрикивает через столик от нас мальчишка лет пяти.

Мы синхронно переводим туда взгляды. Молча наблюдаем за семьёй с детьми, переставая улыбаться.

Мне в такие моменты разрыдаться всегда хочется.

И я растерянно хлопаю ресницами.

- Ладно, не реви, Светлячок, перевернется и на нашей улице грузовик с пряниками. Надо кайфовать от того, что есть сейчас.

- Да я не реву...

Бросает взгляд на мой телефон, вспыхивающий сообщениями. На экране всплывает иконка с сайта знакомств.

- О-о... Удаляй приложение. Пока приключений на задницу не нашла.

- Нет! Я уверена, там может быть хороший человек.

- Ну, давай, я фильтрану, - машет мне требовательно пальцами. - Показывай переписки.

- Прямо вот так?!

- Ну а кто тебе глаза разует? Давай-давай. Иди сюда с телефоном.

Ну а... пусть! - вдруг неожиданно для себя решаю я.

Кобель кобеля видит издалека, всё-таки.

Пересаживаюсь в его подушки. Открываю переписки.

- Ну смотри... Это Иван, бывший военный, в процессе развода, жена оставила ему дочь и...

- Нет. Удаляй.

- Почему?? Ты даже не читал.

- Тут все женатые "в процессе". Фоток нет даже в личку. И

у тебя не попросил. Значит, глубоко женат. А жена его пасёт наверняка на этих сайтах.

- Ладно, он мне все равно не очень... А это вот Константин. У него двое детей.

Пробегаются взглядом по переписке.

- Удаляй.

- Да почему??

- Неделью облизывает тебя, ни разу в реал не пригласил. Только фотки выпрашивает. Дрочер какой-то.

- Ну, а если он просто занят?

- Для чашки кофе занят? Херня... Мужчина хочет встретиться сразу. Ему переписки нахер не упали. Он хочет потрогать. Удаляй. Дальше давай.

- Это - Валерий.

- Да я его знаю! Это же механик с шиномонтажки.

- Нет! Он работает финансовым консультантом.

- Чалкина... Он мне колесо вчера чинил. У него жена работает там же, кассиром.

- Боже... Как красочно врёт, гад!

- Атож... Дальше давай.

- Ну, этого мы уже забраковали, - перелистываю я. - Вот. Павел ещё. Мне больше всех импонирует пока.

- Ну-ка...

Читает, морщась как от кислоты. Улыбаясь, изображает "рука лицо".

- Стихи? Seriously?

- Что в этом такого?!

- Это диагноз, Чалкина!

Отбираю телефон.

- Нормально это. Вот про минет вопросы женщине задавать - это диагноз! - шиплю на него, пытаюсь защитить хоть одну версию будущего.

И вообще, зачем я ему эту переписку показала?? Там уже вообще-то не привет-пока, есть и личные моменты.

- Чалкина, но это же откровенно плохие стихи!

- Ну... Это творчество, оно не может всем нравиться, - развожу руками.

- Ну-ка, дай-ка сюда! Может он правда охуительный, а я не понял, - отбирает телефон.

- Свет!

- Давай, говорю.

Копирует стих, вставляет в поисковик.

- Да он их ещё и спиздил на форуме начинающих поэтов!

- Может он там его и выложил.

- Антонина Уточкина? Ха-ха... Всех в бан, Чалкина.

Осуждаю.

Закатываю глаза, падая на подушки на спину.

- Бань... Ну их к черту.

- Да не расстраивайся. Хочешь, я тебе стихи почитаю?

- "Я достаю из широких штанин"? - скептически уточняю я.

- Владимир Владимирович - это, конечно, классика.

- А ты знаешь что-то ещё?

- Конечно! "Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем... И гагары тоже стонут..." - с выражением.

- Аха-ха-ха... Тихомиров! Все у тебя стонут!

- Плохо? - усмехается. - Я ещё один знаю. "Вдох поглубже, ноги - шире. Не спешите, три-четыре..."

- Руки! Там были руки!

- Это Владимир Семёнович просто опечатался.

- Лирику давай!

- "Грудь плавно качнется в ночи... Слышишь, как моё сердце стучит?.." - напевает он "Сектор газа".

- Ой, всё!

- Ну это же "Лирика". Чо опять не так?

Поднимаюсь, засовываю в рот ещё веточку хвороста.

- Ладно, теперь ты рассказывай, что там у тебя со смотри-нами?

- Глухо как в танке.

- Ой, ладно! Полно же женщин с детьми. И хороших. И красивых.

- Полно...

- И что тебе не так?

- Не влюбляюсь...

- Ну, здесь или шашечки или ехать! В нашем с тобой случае, - развожу руками. - Чувства могут прийти и позже. Главное, чтобы человек хороший был.

- У мужчин не могут. Или сразу вштырило или уже не

вштырит. Члену про уважение к хорошему человеку не объяснишь, - разводит руками.

- Влюбляются не членом, а сердцем! - дёргаю надменно бровями.

- Но... с его благословения, - ведёт пальцами по моей шее, трогая серьгу в мочке.

Оглушенно вздрагиваю от того, как сжимается между бедер.

Уврачиваюсь.

- Руки! - выдыхаю я, стараясь строго и категорично.

- "Шире"? - смеётся он.

- Так, всё!..

Ещё одну хворостинку в рот. Отряхиваю руки. Запиваю чаем.

- Поехали домой.

Провокатор...

Глава 10 - Незамутненность

Сегодня я волонтерю у слепой старушки. Олимпиады Ивановны. Она ослепла совсем недавно, видит только свет. И сама пока не справляется.

Социальные службы к ней приезжают очень редко. А единственный внук живёт в Москве. И, судя по всему, просто ждёт квартиру в наследство.

Я иду с ней за продуктами, потом мою полы, протираю пыль. Закидываю стирку в старенькую, но ещё рабочую стиральную машинку, которую нашла для нее Зоя.

Готовлю ей простенькую еду на неделю в заморозку. Холодильник у нее крутой! ЗИЛ из прошлого века. Надёжный как швейцарские часы. Правда шумный.

Старушка хорошая... Болтаем с ней.

- В общем, не будет у меня деток, - жалуясь я.

- Тю! - взмахивает она руками. - Вот сегодня Крещение, сходи в прорубь окунись. Смоешь грех. Может и даст тебе Бог.

- Разве же его водой смоешь?

- А вот монахи молятся, пост держат, тело свое умирят. Тоже скажешь зря?

- Нет. Не скажу. Там есть смысл. Они уходят на более тонкие вибрации.

- Вибрации-херобрации... - ворчит на меня. - Смирения в

тебе нет. Придумала "грех" и носится с ним. Надо же! Грех у нее. Да если бы бабы после такого греха рожать переставали, то вымерли бы уже все поди. Не от лени же ты его того... А от сострадания!

- От малодушия!

Хотя я до сих пор не могу договориться с собой, как надо было сделать правильно.

- Иди в прорубь, говорю! У Храма каждую зиму прорубают. Хуже то точно не будет.

- Наверное, не будет... Ладно. Схожу.

Кладу ее руки на пакеты, давая потрогать.

- Здесь тефтели. Здесь курица. Здесь овощи. Здесь гречка, здесь рис. Нужно только разогреть. В шершавом кувшине - пакет с кефиром, в гладком - с молоком. Хлеб порезала, положила в пакетик. Суп вот в этой кастрюле.

Тоже даю все потрогать.

Потом раскладываю ее таблетки в таблетницу. На всё про всё - два с половиной часа. Не так уж и много. А ещё и с хорошим человеком пообщаться!

Прощаюсь, обувая кроссовки.

- Спасибо тебе, Светочка! Пусть Бог тебе деток даст. Сыночка и дочку. И мужа золотого!

- Спасибо, Олимпиада Ивановна. Я к вам на следующей неделе ещё забегу.

Живёт она совсем недалеко от меня. И я возвращаюсь пешком по беговой дорожке, вдоль реки.

Прохожу мимо Храма на берегу. Там у проруби какая-то тусовка. Лестницу деревянную погружают.

Красиво бьют колокола...

И вообще, как-то радостно сегодня.

А вот пойду! - решаю для себя.

Хотя совершенно не представляю, как это - нырнуть в прорубь. Но там наверное, много людей будет. Посмотрю, подскажут, как это все делается.

Чуть дальше - площадь с ярмаркой.

Заходить сейчас в магазин Тихомирова - выше моих сил. Уверена продавщица меня прекрасно запомнила. А к большому супермаркету - это в другую сторону.

И я покупаю себе продукты здесь. Несколько расписанных глазурью имбирных печенек, апельсины, лимон, домашний сыр, яйца...

Возле моего окна - знакомый джип.

Проходя мимо, на автомате в одно движение рисую пальцем на пыльном крыле маленькое сердечко.

Просто так...

Захожу в подъезд.

У квартиры Тихомирова два мужика.

Бух-бух-бух! - невежливо долбят.

Опасаясь, и с подозрением глядя на них, прохожу к своей, напротив.

- А Вы не знаете, где ваш сосед?

- Нет.

- Но проживает здесь?

Да, и моется в моем душе.

- Эм... Я сама только въехала, - интуитивно сливаюсь с ответа.

Один раскрывает ментовские корочки.

Приехали!

Не то, чтобы я удивлена.

- Живёт... - вздыхаю я.

- Передайте, пожалуйста, пусть позвонит.

Всовывает мне в руки визитку. Вторую всовывает в дверь.

Ну кому ты там опять леща дал?!

Открываю дверь, захожу домой.

И с воплем, врезаюсь в мокрого Тихомирова в полотенце.

- Господи!! - хватаюсь за долбящее сердце.

- Ну, тогда уж на колени сразу падай.

- Тихомиров, но это уж слишком!

- Понимаю. Но случай был экстренный.

- А что случилось? - растерянно рассматриваю сваленную на кафель одежду.

- Да, мужик под лёд ушел, доставали. Замёрз как тварь...

- передёргивает его.

Хватаюсь за сердце, закрывая глаза. Как страшно!

- А тебя вот, искали, - отдаю визитку.

- Мм...

- Что ты наделал опять?

- Да это... Мужика-то не спасли. Только тело достали. Пья-

ный был. Сердце не выдержало. Надо показания дать, видимо.

- Зачем он полез пьяным?

- Крещение же, ебанутым нет покоя.

- Ну... Зачем так про всех? - становится мне немного неловко. - Это же традиция...

- Да ради Бога! В обустроенной проруби, со страховкой. А эти же за городом полезли. Там течение... Спасатели сегодня с рейдами объезжают водоемы. Волонтеров подтягивают.

- Тебе чай сделать? - предлагаю ему.

- Да.

Завариваю ему чай с лимоном, выкладываю печенье.

- А вот у нас здесь... Возле Храма, можно? Там обустроено?

- Там - да. Погоди, Чалкина, ты что - в прорубь собралась?

- Мхм... - смущаюсь я.

- Грехи смывать? - фыркает.

- Исключительно для повышения вибраций! - отшучиваюсь я. - Вот ты смотри как повысил, ещё ни одной шутки про секс за целых десять минут! Я, может, тоже хочу.

Дотягивается до своего телефона.

Звонит.

- Добрыня, привет! Тихомиров. А твоя бригада сегодня у храма дежурит? Там пигалица рыжая сегодня нырять будет. Присмотри по-братски. Ага... Давай!

Улыбаюсь, двигая ему печенье.

Делаю ему тост, сверху пластик сыра. И тоже пододвигаю. Жарю яйца.

Наблюдаю как пьет чай, ест.

Вкусно ест...

- Ты первый раз в прорубь?

- Да.

- Резко не погружаться. Сначала снегом разотрись. А то меня-то рядом не будет, мотор твой запускать, если стукнет. Придется с другими дядьками целоваться!

- Вот чего ты такой дурак? - подперев щеку смотрю на него.

- Ну тебе же нравится.

- Мне не нравится!

- А чо улыбаешься?

Откуда я знаю?!

Встаёт, моет тарелку за собой.

Смотрю на его оформленную мышцами могучую спину.

Божечки...

Хочется потрогать.

Чтобы занять руки, плету косу трясущимися пальцами.

Ну что ты как самка, Чалкина?! Нельзя же прям так!

- Короче. Сам тебя отвезу. Переоденусь только. Не уезжай без меня.

- Зачем??

- Ну, допустим, в прорубь ты нырнешь, дурное дело не хитрое. А дальше что? Вышла ты мокрая на мороз... И?

- Мм... Да. Как-то я об этом не думала ещё.

Может, будет какое-то помещение приготовлено или как??

- Вот, говорю же, хорошо, что хотя бы красивая.

- Хам-ло... - вздыхаю философски.

- Ладно, не расстраивайся, тебе идёт лёгкая незамутненность. Мне нравится... Спасибо за ужин, - дёргает за косичку.

Уходит.

Сижу, улыбаюсь. Как незамутненная дура, да...

Глава 11 - "На берегу"

- Божечки... Холодно-то как! - кутаюсь в махровую простыню, стоя босиком на снегу. Я вообще-то неженка. Водичку люблю теплую.

Жду своей очереди в прорубь.

Тихомиров курит рядом со спасателем - Добрыней. У того в руках широкий и длинный поводок, который он пристегивает за талию всем, кто идёт окунаться. Чтобы не унесло под лёд или, если станет плохо, быстро вытащить.

- Давай-ка... - пристегивает мне.

- Это сильно шокирующе?

- Да ну... - усмехается Добрыня. - Ерунда. Как фурой собьёт! Ахаха... - стебут меня на пару с Тихомировым.

История спасателя Добрыни здесь:

<https://litnet.com/shrt/gl2i>

Вешаю простыню на перекладину.

Подхватывая горсть снега растираю плечи. По ощущениям - как наждачкой.

Но решила же!

- Боже, дай мне ребеночка, пожалуйста, - прошу я шепотом. - Хоть какого-нибудь! Но чтобы мой стал.

Наступаю на первую ступеньку, погружая ногу в воду.

- Ма-мо-чка... А-а-а! - мне кажется мои глаза стекленеют

от шокирующего холода.

В проруби плавают несколько маленьких льдинок.

- Чалкина, дыши! - смеётся Свет.

- Холодно!

- Не ври! - смеется. - Вода холодной не бывает. Всегда плюсовой температуры!

Делаю три быстрых шага вниз и, зажмурившись, плюхаюсь, с головой уходя под воду.

Сердце сводит в грудной клетке. Выныриваю, громко вытягивая воздух.

Точно... Как фура сбила!

Телу больно, и одновременно ничего не чувствую. Оно в панике. Перед глазами мельтешит. Адреналина море! Ощущение, что я сейчас умру!

- Выходи! Давай-давай... - тянет руку Тихомиров.

- Три раза надо, - шевелю застывшими губами.

И зажмуриваясь, опять погружаюсь с головой.

Хапнув воздуха, сразу же ныряю в третий раз. Потому что если отдышусь, то точно не смогу.

Ощущаю рывок ремня за талию.

Сердце панически скачет по грудной клетке, как отбойный молоток.

Я чувствую, как распадаются собранные в шишку волосы по плечам.

Хватаюсь за пальцы Света и Добрыни. Ноги скользят по ступенькам. Они выдергивают меня с лестницы на снег.

Тело трясет и одновременно жарко.

- Живая?

Дар речи отнялся.

- Или рот в рот откачать?

- Ни-ни-ни... - стучат мои зубы.

Он накидывает на меня махровую простыню и подхватывает на руки.

Несёт в небольшой шатер.

Там люди...

Одеваются, раздеваются... Тусклый свет...

Руки и ноги словно ватные. Тело расслабляет так, что не могу заставить себя пошевелиться.

Работает тепловая пушка.

Он ставит меня прямо перед ней.

Снимает с плеча рюкзак. Достает маленький термос, наливает мне чай.

- Ну как оно, Светлячок, просветлилась?

Истериčno улыбаюсь.

Тяну руку за чаем.

- Погоди, кипяток.

С размахом, отправляю мокрые плети волос вперёд, наклоняясь и просушивая их простыней.

Кончики метут пол.

- Чалкина, не вводи людей во грех! - слегка щелкает резинкой моих трусиков от купальника, выправляя их на ягодице.

Пискнув, распрямляюсь, шлепая его по руке. С возмущением смотрю на него.

Ухмыляется, гад.

- Ты зачем волосы-то мочила?

- С головой же принято.

- Воцерковленная что-ли? - косится на меня с подозрением.

- Нет... Просто это как... аскеза такая. Хочешь что-то получить, надо взять на это аскезу - отказаться от чего-то, что любишь или принять что-то, что тебе сложно делать. И если уж выполнять ее, то честно! Вот. Кто-то берет аскезу - сладкое там не есть, мясо не есть, или сексом не заниматься. А я такую взяла.

- А чего загадала?

- Всё то же.

- Мужика с ребенком?

- Тоже пойдет. Я не торгуюсь. Если к ребенку мужчина хороший прилагается, я согласна.

- Согласна она... - саркастически.

- А что за сарказм? - упираю руку в бок и обличающе прищуриваюсь. - Не ты ли жену "с прицепом" ищешь, м?

- Девчонки насплетничали?

- А что, это какой-то секрет?

- Да нет. Не секрет. Ищу.

Стоит, пьет мой чай.

- Ладно, одевайся, жду тебя в машине.

Уходит.

Смотрю ему вслед.

Чувства противоречивы...

Ну конечно же - нравится! Хотя и совершенно "не мой" мужчина. Нравится на уровне инстинктов. Как самец впечатляет. Но я никогда не решалась на самцов. Хотя они меня сразу пеленгуют. Любят хорошеньких кукол... А я им не доверяю и боюсь. Что у нас общего? Я не самка...

Тихомиров какой-то другой самец. У него там ещё сердце... Большое. В своей brutальной версии, конечно. Но есть!

Но, Валентина Ивановна говорит - кобель! А она говорит всегда прямо и честно.

Да и... бездетные мы с ним оба.

В общем, просто так облизывается, покуражиться. А это - нет! Чалкина не такая. Да-да... Дружить будем, волонтерить. А секс... Секс только по любви!

Но пока что, любовь может и была какая-никакая. А секса все больше не было. Только акты, соития, да коитусы, долги еще супружеские.

А с ним может и был бы... - рождается где-то внутри то-ненький голосок. Но я игнорирую его. Ну... нет! Не вывезу я такого краткосрочного романа. Унизительно как-то, греть ему постель, пока он свой прицеп не найдет.

Да и даже чисто физически не могу его на себе представить. Он же огромный и тяжелый как танк! А я дама хрупкая...

Только дружить!

За ширмой быстро переодеваюсь. Обматываю волосы сухим полотенцем. И надев капюшон, выхожу из шатра.

Иду к джипу, размахивая пакетом. Но Тихомирова в нем нет. И двери закрыты.

- Ну, здравствуйте... - растерянно оглядываюсь.

Зачем так делать?!

Моя сумочка осталась у него в машине. А там всё!

Добрыня у проруби, вспоминаю я, знакомый Тихомирова. Попрошу его набрать.

У проруби уплотняется толпа и словно что-то происходит.

Оставляя пакет у колеса, иду в ту сторону. Ну сто процентов Преподобный там!

Сердце мое начинает стучать тревожно.

Хоть бы ничего не случилось...

- Ребенка отпустил моего! - орет какой-то мужик.

Мне кажется, он не совсем адекватным.

Толпа недовольно ропщет.

На руках у Тихомирова рыдающий мальчик лет пяти, завёрнутый в его большую куртку.

- Я сказал, мой пацан окунется, значит, окунется!

- Да разве можно малыша силой! - возмущаются женщины.
- Стресс такой! Сердечко остановится!

- Это мой сын! Я вашего мнения не спрашивал. Дай сюда!
- дёргает к себе ребенка.

Тихомиров уворачивается. Нога соскальзывает в сани-

метрах рядом с прорубью. Но удержавшись, он отыскивает равновесие.

У меня поджмается от страха живот.

Улетит сейчас с ребенком туда! А там старушка какая-то. Старушка соскальзывает со ступеньки, обмерзшей льдом и падает назад.

Ужас...

- Добрый, ментов вызывай! - рявкает Тихомиров.

- Вызывают, держи его! - вытаскивает Добрыня эту пожилую женщину. - От проруби все отошли!

Все пятаются, но папаша не даёт отойти Тихомирову.

- Как вы себя чувствуете? - спрашивает у старушки Добрыня.

Она как рыба втягивает воздух, хватаясь за его руки.

Сумасшедший папаша не отстаёт от Света с ребенком.

- Что вы стоите?! - смотрю на сомневающих мужчин - вмешиваться или нет.

- Ну его нахер, связываться! Его сын... Виноватым потом окажешься... - обсуждают.

- Дай сюда моего сына, сказал! - орет папаша. - Или вместе с ним полетишь!

Пихает их.

Мальчик испуганно кричит, хватаясь за шею Тихомирова. Скользят по льду... и сейчас их "собьёт фура".

- Не трогай их! - подлетаю я, отталкивая неадекватного мужика.

Оступившись, он летит в прорубь.

Господи боже! - зажмуриваюсь я.

Главное, не головой об лёд!

Подбегает женщина-спасатель, забирая из рук Тихомирова ребенка.

Мужик, матерясь, выныривает. Теряет равновесие на лестнице, снова летит назад. И сам не выныривает больше, всплывая спиной вверх.

Не дыша, смотрю на эту страшную картину.

- Да чтоб тебя, собака сутулая! - ворчит Тихомиров, поднимая рукав объемного свитера до локтя. Ложится на лёд, хватает его за локоть. Вытаскивают папашку вместе с Добрыней. Его кожа царапается об неровный лёд.

- Девушка его толкнула... - обсуждают в толпе.

- Сбежала отсюда! - кидает мне в руки ключ от машины Свет.

Поймав, продолжаю стоять на месте, словно ноги вмерзли в снег.

- Бегом! - шикает на меня он.

Пячусь, делая несколько шагов назад.

Но я же... Не толкала его в прорубь. Я просто защищала Тихомирова с ребенком. Чтобы он не столкнул их!

Саунд: Сверхновая - Иво

Рассерженный взгляд Тихомирова заставляет меня отступить ещё дальше.

Очухавшегося, покачивающегося мужика ведут под руки

в шатер.

- Пьяный... - шушукают в толпе. - Как не стыдно на Крещение-то...

Добрыня строит толпу, строго объясняя, как себя вести рядом с прорубью. Долбит лёд на ступеньке железным колом.

Свет хватает меня за локоть и тащит к машине.

- Я что тебе сказал, а?!

- Но я же...

- Давай вот сразу на берегу договоримся, Чалкина, что ты слушаешься меня как собака Павлова!

- На каком ещё "берегу"?.. - лепечу я, стараясь успевать за его быстрым шагом.

- На берегу проруби, блять...

Рывком усаживает меня в машину.

Всовывает мне в руки термос и шоколад.

- Сидеть!

Хлопает дверцей, вздрагиваю от грохота.

Протерев лицо руками, встряхивается и идёт обратно, натягивая балаклаву на лицо.

- Хамло какое...

Вздыхая, шуршу шоколадкой.

Хоть бы не убил там эту "собаку сутулую"...

Посадят же. Катайся потом к нему с передачками...

Глава 12 - Если враг сопротивляется

В волонтерском центре сегодня людно. ВалентинВанна раздает пакеты с гуманитарной помощью. Люди курсируют туда-сюда.

А мы с Зайцем и Машей сидим в углу, у стола. Чалкиной нет.

На столе букет.

Озадаченно Зоя постукивает пальцами по столу.

- Точно для меня?

- Да точно! - закатывает глаза Маша. - Доставка принесла.

Я за тебя расписалась.

- Хм. Кто это вообще?

- Ну, Зай, ты у нас девчонка зачётная, - пожимаю плечами.

- Кто угодно в целом мог яйца подкатить.

- Да нет. Некому мне цветы дарить.

- Ой, ладно, не прибедняйся.

- Я не про это. Я про то, что сейчас мужчины не "про цветы". Ты, вот, даришь без повода? - скептически.

- Я? Пф... Вообще профита не понимаю в этих цветах. Лучше что-то конкретное подарить, нужное. А цветы... поставила в вазу и забыла тут же. Потом выкинула. В чем прикол?

Маша воодушевленно вздыхает.

- Нет... Не забыла. Каждый раз мимо этих цветов проходишь и вспоминаешь того, кто подарил. Горячие моменты, поцелуи, слова, взгляды... Эх!

- Реально?

- Да-а-а... И пока стоит букет, все время ощущаешь типа он рядом. С тобой... В тебе... - многозначительно снижая голос.

- Интересный спецэффект. Учту.

- Учти... Учти... - заигрывает со мной Маша, бросая томные взгляды.

Зоя, хмурясь, распаковывает букет, беспощадно срывая нарядную обёртку.

Рассыпает цветы по столу.

- Никакой открытки даже.

- Да забей, Заяц. Сам появится. Иначе, какой смысл в букете?

- Да. Наверное.

- Ой, а мне цветы последний раз дарили лет пять назад! - косится на меня Маша.

- Маш, принеси водички, будь человеком.

- Я и кофе могу тебе сделать.

- Давай. Кофе и водички... Мм... Как колокол гудит, - сжимаю виски.

Открываю окно, сгребаю снег.

Прикладываю ком к пульсирующему виску.

На автомате считаю цветы. Четное количество получает-ся. Да ну бред какой-то...

Встряхиваю головой.

- У тебя похмелье, что ли, Свет?

- Ударение надо ставить на последний слог, Заяц. ПохмельЕ. Тогда состояние обретает очаровательный французский флёр.

- Флёр?? - закатывает глаза.

- Не обретает?

- Хватит бухать.

Похмелье у меня бывает только с серьезного перепоя.

- Куда в тебя столько лезет?

- Так я и пошел рано, мамка говорила...

- Дурак! - ухмыляется.

Выкидываю мокрую кашу. И беру ещё охапку, сжимая снег в комок.

Опять прикладываю к виску.

- В чем прикол одному бухать, не понимаю.

- Скучно...

- Роман закрути с кем-нибудь. Есть кто-то на примете?

Вздыхаю.

- Есть.

Заяц мне как сестра. И поддержать, и побухать, и поругать.

- Ну-у-у...

- Чего - "ну"? Дома коза эта не ночевала сегодня, - мор-

щусь я. - Пришла под утро.

- А где ночевала?
- Она мне пока не отчитывается.
- И ты расстроился, и решил прибухнуть.
- Ничо я не расстроился. Просто сопротивляется пока...
- Если враг сопротивляется...
- ...Налей ему в шампанское водки?
- Тьфу на тебя, Тихомиров! Ты когда повзрослеешь, а?
- А надо?
- Дети есть у неё?
- Нет.
- Жаль...

Очень жаль.

- Но жить надо здесь и сейчас тоже, Свет.
- Согласен.

Двери в очередной раз открываются, закрываются.
Чалкина!

Страхиваю воду от растаявшего льда с руки.

Маша приносит мне кофе и детскую бутылочку воды с пищевого склада.

- Благодарю.
- И все?
- Чаевые дать?
- Ну ты хам... - мурлыкает.

А я слежу взглядом за рыжей моей. Говорит с Валенти-
ниИванной.

- Маш, поставь, пожалуйста, цветы в банку. Я поехала... - надевает куртку Зоя.

У выхода приобнимает Чалкину, здороваясь. Сошлись, значит, характерами. Обнимается Заяц только со мной, Ивановной и ещё парой надёжных людей. Она вообще не ласковая.

Теперь вот ещё с Чалкиной. И ощущение, словно семья мою козу рыжую приняла.

- Голова болит? - крутится рядом Маша.

- Болит...

- Я умею специальный массаж делать, от головной боли.

- Дерзай, - чуть ниже сползаю в кресле.

Чалкина идёт к нам, чуть надменно измеряя меня взглядом. Машины пальцы скользят по волосам.

- Добрый вечер, - сухо здоровается.

- Мхм... - киваю ей.

Кайся давай, Чалкина. Желательно сразу на коленях.

- Я список принесла по материалам на ремонт для многодетных, Казимировых. Зоя просила посмотреть, посчитать...

- Оставь Зое на столе.

- И аккаунт сделала для Центра.

- Молодец, Чалкина. Хвалю. Аккаунт это важно.

Перехватываю руки Маши.

- Что-то так ещё хреновее. Хватит...

Машу подзывает Валентина Ивановна, остаёмся вдвоём с Чалкиной.

- Как дела? - сверлю ее взглядом.
- Нормально...
- Ночью где была? - достаю сигарету.

Хлопает возмущённо глазами.

- Неловкий вопрос или что?
- Марии свои вопросы задавай.
- Ты с больной головы на здоровую не перекладывай.
- Ты нормальный вообще?!
- Массаж - процедура медицинская, ясно?
- Ты главное обувь береги...
- Чего это?

- А то вокруг тебя так дамы кипятком писают, что разьест!

Есть такое, да.

Разворачивается на сто восемьдесят.

- Тётъ Валь, я пошла!

Ну чего ты, Тихомиров, бегать за ней будешь что ли? У тебя реально бабы в очереди стоят.

За тридцать секунд, как на Сапсане проезжаю все пять станций принятия того факта, что буду: "отрицание" - да нихуя, "гнев" - пусть идёт к черту! "Торг" - нет, ну может у нее какие безобидные дела были, да? "Депрессия" - пиздец какой-то ...

На депрессию оставляю себе чуть побольше времени. Это ж святое! Секунд двадцать грустно пью кофе. Ну и "принятие" - хватаю ключи со стола, розочку и иду за ней.

Глава 13 - Подростковые чувства

Не видя дороги, лечу без четкого направления подальше от Центра.

А что тебя так зацепило, Чалкина? Машины руки на нем? Так ты же не претендуешь!

Дружить это тебе с ним никак не мешает, правда?

Правда...

А в груди горит ядовитым отравляющим пламенем. Прожигая до изжоги.

Вот... А если бы ты что-то позволила ему, а потом увидела это? Ты бы вообще сейчас как белок свернулась!

Подпрыгиваю от сигнала машины справа.

Тихомиров.

Опускает стекло.

- Далеко собралась?

- Далеко... - бросив на него равнодушный взгляд, иду прямо.

- Садись, довезу.

- Спасибо, я прогуляюсь.

- Чалкина, чо как маленькая? Сядь, сказал.

Разворачиваюсь к нему.

- Уважаемый Светозар, прекратите себя вести так, словно я ваша собственность. Это не так.

- Сядь. Пожалуйста. В машину.

- Хорошего дня! - отправляю ему лучезарную улыбку, с лёгким чувством злорадства и полученной вендетты за Машины пальцы.

И лёгкой походкой ускоряюсь дальше.

Так тебе, Светоносный!

Чалкина, ты такая дура... Ну о чем ты вообще?! - пытается прорезаться голос разума.

Ты же взрослая женщина, откуда в тебе эти подростковые чувства?

А что я могу поделаться, если они есть?!

Сзади, с уже узнаваемым звуком хлопает дверь.

Тихомиров вырастает передо мной словно из под земли. Протягивает, ухмыляясь, розу. Явно из букета, который лежал на столе.

"Первый класс, вторая четверть."

Смотрю на него строго.

- Нет. Нет... Понимаешь? Найн. Нихт. Ноу. Но. Нон!

- Чалкина... Давай не будем запускать в моих мозгах ассоциативную цепочку на слово "полиглот".

Озабоченный!...

Утомленно закатываю глаза.

- Верни розу хозяйке. И займись своими делами.

- А чо ты-то психуешь? - агрессивно.

Я психую, да!

- Я не психую.

- Не хочешь в машину, давай в кофейню сядем, - показы-

вает взглядом на вывеску.

- Давай, не сегодня, - стряхиваю снежинки с его воротника. - Будет свободное время, я тебе позвоню, пересечёмся...

Выражение его лица плывет, превращаясь в недружелюбное. Роза летит пренебрежительно в снег.

Вздрагиваю, когда она втыкается.

Поднимает к уху звонящий телефон.

Пытаюсь обрулить его, пока он отвлекся.

- Я не договорил, - перехватывает меня за руку. - Подожди.

Отвечает по телефону.

- Тихомиров. Когда? Какую нужно? У меня третья минус, да. Но я бухал вчера. Да и сдавал три недели назад. Меня не возьмут. Какую ещё? Сейчас найдем...

Скидывает вызов. Расфокусированно смотрит мимо меня.

- А что-то случилось?

- Массовая авария, несколько детей в реанимации.

- А у меня тоже третья минус... - с тревогой бормочу я. - Правда, я никогда не сдавала.

- Паспорт с собой?

- Да!

- Поехали...

Беспрекословно позволяю посадить себя в машину.

Свет обзванивает по дороге каких-то людей. Мы приезжаем в больницу.

Анкета, экспресс-тесты...

Сидим перед процедурным кабинетом, в халатах и бахилах.

Он - просто со мной здесь, общается с людьми по телефону, собирая ещё доноров. Вышагивает туда-сюда по коридору.

- Чалкина Светлана, - выходит медсестра в маске. - Проходите.

- О, божечки... - набираю воздуха побольше.

Закрыв глаза переживаю экзекуцию. Под конец процедуры пальцы и губы начинают неметь. И появляется липкое чувство слабости.

- Что-то мне нехорошо... - бормочу я, немного испугавшись.

- Значит, достаточно.

Вытаскивает иглу.

- Голова не кружится? - заглядывает мне в глаза. - Нашатырь?

- Нет-нет!

Что такое нашатырь я в курсе! Ну его нафиг...

С черными точками перед глазами, придерживаясь за стенку выползаю в коридор.

Гул в ушах нарастает.

Прижимаясь к стене спиной, сползаю вниз.

- Ё-моё, Чалкина!.. - слышу его голос, словно из под толщи воды.

Чувствую, как подхватывает на руки. Гул в ушах превращается в противное шипение.

- Влейте нам все обратно, пожалуйста. У нас отмена!

- Ничего-ничего... - щупает мой пульс медсестра. - Там, ребеночку надо. А девушке - постельный режим, красного вина, красного мяса и на десерт - гранат и шоколад.

- Сейчас замутим...

Обнимая, Свет бережно ведёт меня вниз.

- Где была-то вчера?... - переспрашивает спокойно, трогая губами мой лоб у виска.

- Там, в больнице, просят иногда с отказниками и сиротами понянчиться после операций. Персонал для этого не предназначен, а родственников у них нет...

Растирает моё плечо со вздохом.

- Пойдем, полечим тебя...

Глава 14 - Личная история

Заняв в грузинском ресторана нишу с диванами сидим друг напротив друга.

На столе у нас бутылка красного грузинского, мы ждём мясо.

К нам выходит шеф ресторана. Пожилой грузин.

- Здравствуй, дорогой генацвале! - тянет мне руку.

Поднимаюсь, жму, обнимаю его, приветствуя!

- Здравствуй, Дато!

- Сейчас все будет по высшему классу! Ай, девушка какая у тебя красавица!

Отсыпает кучу комплиментов Светляку.

- Свет - очень уважаемый у нас гость, очень! - вскидывает руки, слегка рисуясь перед Чалкиной.

- Только не буань, я тебя прошу! - обращается ко мне. - У нас гостей много сегодня, все уважаемые... Почти.

Ухмыляюсь, ловя шокированный взгляд Чалкиной.

На ее щеках расцветает румянец.

- Все нормально будет, Дато. Я чисто девушку покормить.

- Все сделаем в лучшем виде! - смачно целует сложенные в щепотку пальцы.

Уходит.

- Это что сейчас было, Тихомиров? Почему он так сказал??

- Да был тут инцидент... Я извинился за него.
- Кошмар.
- Ой, да прекрати. Давно уже. Понятия не имею, чего он припомнил. Так вот... - продолжаю я ей рассказывать. - С Зоей мы с интерната ещё знакомы, жили там в одной "семье",
- рассказываю я Чалкиной.
- Почему она Заяц?
- Родители наркоманы. Родилась с сильным косоглазием. Так все и звали - Косой, Заяц... Потом операцию сделали, а погоняло, как водится, прилипло.
- Тогда это очень обидно! - возмущается Чалкина.
- Это ее история. Она ее не обламывает. У нас все там было, знаешь, не красавцы. У кого волчья пасть, у кого с зубами трещ. Сколиозники. Косолапые. Хорошеньких и здоровых то быстро разбирали...
- А ты?
- А нас не забирали, потому что родители были ограничены на нас в правах, а не лишены.
- Нас?
- С братом... И двое нас. Редко кто-то готов больше одного взять. Да мы уже и взрослые туда попали. Стали вытягиваться. В классе третьем, кажется. Детская милота уже все... Испарилась.
- Как грустно... - сводит свои бровки домиком. - А Валентина Ивановна как в волонтеры попала?
- У нее семья погибла. Осталась одна. Приложить мощно-

сти некуда. Ну и вот... Пей давай, то, что доктор прописал,
- подливаю ей вина.

- Боюсь... Мне то много не надо. С пары бокалов унесёт.
А ты вообще-то ненадёжный кавалер, Тихомиров.

- Почему это? В любом состоянии доставлю до кровати.
- И в ней же и останешься?
- Как приглашать будешь!
- А как же Мария? - мстительно.
- Чего ты мне эту Марию подсовываешь?
- Ты же ищешь с детьми... Мария - хоть завтра! И не надо
на меня так смотреть, я все равно в кровать не приглашу.
Зря стараешься.

Делает глоточек вина.

- "Лучше смотреть на то, что не можешь трахать, чем тра-
хать то, на что не можешь смотреть", - выпиваю свой бокал.
- Тише! - страдальчески поднимает глаза к небу.
- Что?.. - недоумеваю я.
- Если ты не в курсе - "трахать", - беззвучно. - Слово
неприличное. А мы в приличном месте! За ширмой люди...
- показывает мне за спину.
- Нормальное слово...

Нам приносят несколько блюд.

Официант ведёт ножом по распадающейся от давления на
волокну томленной говядине.

Поливает ее сверху сладким гранатовым соусом и обжи-
гает горелкой.

- Ого... - облизывается Чалкина. - Вот как с тобой мясо не есть, а?

- Со мной надо есть всё. Тем более после кровопускания. Кладу ей на тарелку кусок.

Пробуем.

- М-м-м-м! - синхронно стонет мы, закатывая от удовольствия глаза.

- Огонь?

- Пожар! - хихикает она.

Подливаю ей вина.

- Вот так, пробуй, с кондари и кинзой, с ореховой пастой, - подцепляю специй к мясу, скармливаю.

- М?

- М-м-м...

- Громче, - подмигиваю ей.

- Вот, гад, - облизывается, улыбаясь.

- Сейчас ещё фондан шоколадный тебе принесут. Как самочувствие?

- Прекрасно!

Запивает вином. Доливаю ещё.

- Хва-а-а-тит...

- Да ладно тебе...

- А брат твой где? Чем занимается? Тоже волонтер?

- Брат... - вздыхаю. - Нет, не волонтер. Наоборот.

Шлюха та ещё...

- А он старший или младший?

- Кто ж его знает. Мать не говорила...

- Аха-ха-ха, - слышу знакомый раскатистый смех за толстой ширмой между нишами.

Застываю, теряя фокус.

- Свет, ты чего? Бестактный вопрос, да? Извини... - сжимает мою лежащую на столе кисть.

- Ах, вот почему "не буянь"! - поднимаюсь я, - Теперь понятно.

Смех этот может принадлежать только одному человеку. Брату.

- Свет! - распахивает глаза Чалкина. - Сядь пожалуйста. Тихомиров!

- Все нормально.

Крепко хватает меня за руку.

- Не надо!

- Что - не надо?

- Всё - не надо! Пожалуйста.

Сажусь обратно.

- Ты чего так возбудилась-то, Чалкина? Ешь, давай...

- Поехали домой.

- Пф! Вот ещё... О себе расскажи лучше. Замужем была?

- Собиралась... Но не с моим диагнозом.

- Да ерунда твой диагноз. Можно, на крайний случай суррогатную мать найти.

- Можно. Но это... высокомерие какое-то, что ли. Гордыня! Вокруг столько брошенных детей, а тут устраивать такие

танцы с бубнами, чтобы "купить" именно "своего". Не даёт если Бог, наверное, хочет чтобы как-то иначе пришли. Или, может, они уже родились, мои дети... Их просто надо найти.

Смотрю на нее, тяжело вздыхая.

- Непросто тебе жить, Чалкина.

- Дура, да? - смущённо.

- Нет...

Классная девочка.

Переводит взгляд на танцующую медленный пару.

- Свет... - настороженно.

- М?

Кивает, дёргая подбородком в их сторону.

- С-с-свет! - заикаясь. - Офигеть... Посмотри!

- Похож?

- Очень! - растерянно.

- Мы с братом близнецы, да.

Глава 15 - Коварный...

Тихомиров шутит... Улыбается. Подкалывает меня.

Но каким-то неведомым мне органом я чувствую его напряжение. И что он немного... не со мной.

Ем шоколадный десерт. Фондан. Он безумно вкусный! Горячий шоколад вытекает из кекса прямо на подтаявший пломбир.

Повинуясь порыву, отламываю кусочек и засовываю в рот Свету.

- Вкусно, да? - восторженно хлопаю ресницами.

- Мхм... - положительно кивает, зависая.

- Я помню, да, что шоколад для истеричек. Но ты такой нервный...

Усмехается.

- Уела...

- Вы всегда с братом не ладили?

- Мы всегда были... разные.

- Не любишь его?

- Разлюбил...

- Почему?

- Когда его жена рожала, он бухал как тварь. И... когда его экстренно вызвали в детскую реанимацию, был уже в отключке. Вместо него полетел я. И все что происходило там, вместо него пережил я. И жену его утешал я. А он ей знаешь,

что сказал? Сказал... "Не переживай. Мы попробуем ещё. Ранно или поздно нам повезет!".

- Какой треш... - допиваю свое винишко. - А что сейчас с ней?

- Благополучно замужем за другим. Девчонку родила.

- А он что - так хочет ребенка??

- Нет... Он хочет удачно жениться. Не работать. Кайфовать. А женщины хотят ребенка... Без ребенка брак может быстро закончиться. И кормушка тоже. Или, не случиться вовсе. А так... отец, семья... Женщины не любят разрушать семью. Прощают больше, терпят дольше.

- Мне аж нехорошо стало! Поехали по домам, а?

Допивает вино.

- Поехали, - оставляет купюру на столе. - Вызывай такси.

Я на пять минут...

Разминает шею.

- Стоять... - ловлю его руку на столе.

Крепко держу, вызываю в приложении такси.

- Чалкина... Ну, пусти.

- Нет-нет... Напился, веди себя прилично, - пьяненько мямлю я.

- Клянусь, никаких драк!

- Нет, я сказала, - властно распоряжаясь, как шальная императрица. - Веди меня... Я без тебя загремлю.

- Ну иди ко мне тогда! - уводит меня к гардеробу, обнимая за плечи.

Выходим на улицу, подышать перед такси. Стоим на крыльце.

Всовывает сигарету в губы, щелкает зажигалкой.

Обнимая вжимает меня в себя.

И мне так офигенно уютно и кайфово прижиматься к нему. Очень надёжно, тепло, возбуждающе...

Чалкина, очнись!

Ты пьяненькая...

А он коварный и беспощадный бабник!

Двери открываются за нашей спиной. Свет смещает меня чуть в сторону, пропуская выходящих.

А нет, не пропускает!

Его брат с женщиной.

Шоркаются с ним плечами. Искрит так, что даже у меня адреналин выделяется.

Женщина его брата очень ухоженная, но явно постарше. Норковая шуба, в ушах крупные серьги.

Нажимает на брелок. В ответ ей мигает фарами дорогая машина.

- Чалкина, без меня не падать, вместе упадем! - перекладывает мою руку на поручень лестницы.

- Венц, стоять!.. - стреляет он сигаретой в урну.

Сбегаёт по ступенькам.

- Я тебе уже говорил - иди нахер, Свет? - с агрессией разворачивается его брат. - Мне повторить?

- Ты мне два раза не повторяй, мне и с первого похер.

Подкидывает подушечку жвачки щелчком пальцев вверх и ловко ловит ее ртом.

Обращается к его женщине.

- Прошу прощения, - всовывает ей в руки визитку.

Она удивлённо смотрит в лицо Свету. Наверное, так же удивлённо, как я смотрю в лицо Венцу.

Похожи очень, одно лицо. Только Свет вальяжный брутал. А Венц - вылизанный метросексуал с белоснежными голливудскими винами. Той самой версией, которые смотрятся, как дорогой унитаз во рту. Особенно на фоне его загара!

Ну может, Свет чуть массивнее еще. А может, просто Венц сушится, чтобы зрелищнее выглядела мускулатура. Такие мужчины любят это дело!

И может быть месяц назад, версия Венца показалась бы мне даже привлекательнее. Но сейчас... Сейчас мой Преподобный затмил всех мужиков. Даже тех, что имеют его лицо в улучшенной косметологами и версии. Как это вышло?!

- Вы должны кое-что важное знать о вашем мужчине. Пока не поздно. Наберите меня...

- Сука... - разъяренно отпихивает его брат.

- Не делай так... - с угрозой отвечает Свет. - А то отдача лицо сломает.

- Как ты меня заебал! Живи свою жизнь!!

- Венцеслав, что происходит? - смотрит удивлённо она на визитку в своей руке.

Светозар и Венцеслав! Мда, родители не поскупились на

яркие имена. Хотя Светозар - красивое...

- Просто выкинь это, любимая! - выдергивает у неё из руки визитку Венц.

На "любимой" меня сводит, словно я откусила лимон. Насколько пафосно и неестественно это звучит.

- Нет, подожди... Отдай мне! - требует она.

В шоке хлопаю глазами.

Подъезжает наше такси.

Тихомиров тянет мне руку. Пошатываясь на каблуках, слетаю к нему в объятия.

Парочка устраивает разборки у своей машины.

Мы садимся на заднее сиденье такси.

- Он отобрал у нее, - смотрю в окно.

- Это не важно. Дама с возможностями, у него других не бывает, захочет, найдет.

Несмотря на лёгкие пьяные стробоскопы, ощущаю как его рука, обнимающая меня, нахально ощупывает мою талию, сжимает бедро.

- Тихомиров...

Поднимает за подбородок мое лицо.

- Что? - шепчет мне в губы.

- Что ты делаешь?? - выдыхаю я.

- А какие версии? - перекладывает мою ладонь себе на бедро и сжимает.

Когда он говорит, его губы касаются моих.

Мое дыхание обличающе сбивается. Сердце стучит как

отбойный молоток. И голова... кружится.

И мне так хочется этот поцелуй, как никогда в жизни, на-
верное, не хотелось!

Но ведь наступит завтра, Чалкина! - пытаюсь образумить
себя.

Его губы мягко вжимаются в мои.

Тихо взвизгнув, подаюсь назад.

- Господи-Боже! - обмахиваюсь руками.

Смеётся, качая головой.

- Чалкина... Ну ты как... послушница монастырская! Хо-
чешь же!..

- Постельный режим у меня! А не вот это всё!

- Пусть будет постельный...

Отворачиваюсь к окну. Пульс грохочет в ушах.

Ты упустила шанс получить самый желанный и охрени-
тельный поцелуй, быть может, во всей своей жизни. И он се-
годня достанется не тебе. Впрочем как и весь Светоносный!

Потому что он явно возбужден, и вряд ли удовлетворится
рукой в душе.

Рыдать уже можно? Или стоит подождать, пока лягу в кро-
вать?

Пожалуй, подожду...

Вытаскивает из моей прически шпильки. Копна рассыпа-
ются по плечам.

- Волосы у тебя, пиздец просто... - шепчет мне горячо в
ухо, откровенно вдыхая запах.

Перед глазами все плывет от его шёпота.

- Дай губы... - ведёт языком по кромке моего ушка.

Отрицательно мычу, не в силах издавать другие звуки. Вжимаю голову в плечи, от слишком острых ощущений. Между бедер сводит.

- Сам возьму! - хрипло, с шутливой угрозой.

- Тихомиров... - шиплю, задыхаясь, и отрывая от себя нахальные руки. - Я пьяная! Из меня крови литр выкачали! - чуть преувеличиваю я. - Меня надо пожалеть и спать уложить!

- Пожалее... и спать уложу... и ещё раз пожалее... прямо во сне... любишь так?

Ну я же сказала! Ах, да... Повторяться смысла нет, ему и с первого раза похеру.

Есть шансы не пустить его сегодня ко мне в душ?

Вряд ли...

Глава 16 - Душа продана

У двери квартиры разворачиваюсь с отрицательно заряженным на секс лицом. Давай, Чалкина! Отшей его.

- Иди к себе, Преподобный.

Язвительно ухмыляется.

- Страшно? - дёргает бровями.

- Всё! До завтра.

- Во-первых, я должен проследить, что ты соблюдаешь постельный режим. Из тебя литр крови выкачали, м? Вдруг ты загремишь? А во-вторых, мне таки нужно в душ.

Закатывая глаза, открываю дверь квартиры.

Пошатываясь в темноте, включаю свет. Скинув одежду на пуф, разворачиваюсь в дверях комнаты.

- Иди в свой душ!

- И даже чаем меня не напоишь?

- Спокойной ночи, Светозар! - стараюсь выглядеть максимально трезвой и серьёзной.

И демонстративно закрыть перед ним двойные двери в комнату. Но рука соскальзывает, я оступаюсь, и с писком теряю равновесие, хватаясь за дверь, улетаю вместе с ней назад к стене.

- Аха-ха-ха! - закатывается он. - Чалкина, ты в порядке?

- Нор-р-рмально!

Оторвавшись от стены, закрываю поспешно двери. Не так

зрелищно конечно как планировала. Но зато улетела зрелищнее некуда!

Замка на дверях нет. Да и логично, зачем он в однокомнатной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.